

Прийт ЛИГИ

КУЛЬТУРА ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ

Среди множества проблем, связанных с культурой длинных курганов, главное внимание археологов привлек вопрос об ее этнической принадлежности. В научной литературе эта тема дискутируется уже более 20 лет¹, тогда как, например, социально-экономические проблемы остаются во многом в тени.

На современном этапе можно констатировать, что в определенной степени эта полемика зашла в тупик. С одной стороны, на основании лишь археологического материала более или менее убедительно доказать неславянскую принадлежность длинных курганов не представляется возможным. Конечно, это можно объяснить состоянием источниковедческой базы. Ведь древности предшествующего периода изучены очень слабо, да и сами погребальные памятники культуры длинных курганов пока относительно малоинформативны. В пользу этой концепции говорит, однако, тот факт, что длинные курганы распространены на территории, где исконно проживали неславянские племена.

С другой стороны, сторонники славянской принадлежности рассматриваемой культуры не могут ни доказать генетическую связь длинных курганов с более ранними, достоверно славянскими древностями, ни указать исходный район, откуда пришли славяне-кривичи. Еще в 1950-х годах кривичская принадлежность длинных курганов представлялась допустимой, так как считалось, что раннеславянские племена уже в I тысячелетии до н. э. обитали также в Верхнем Поднепровье и Верхнем Поволжье, в последующие же столетия они постепенно продвигались на север, расширяя свою территорию.² Сегодня эта теория представляет лишь историографический интерес. В то же время за последние десятилетия получены данные, противоречащие славянской концепции длинных курганов, что заставляет ее сторонников вносить в эту теорию все новые коррективы. Это вызывает серьезные сомнения уже с точки зрения методологии.³

¹ Историографию вопроса см.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. — Археология СССР, 1982, с. 46—58; *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильмене. — Советская археология, 1981, № 1, с. 42—56.

² *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953, с. 85—97, 126, 233, 234, рис. 8, 23.

³ Поскольку в задачу настоящей статьи не входит подробный анализ существующих концепций, ограничусь здесь лишь некоторыми замечаниями. Один из серьезных коррективов был внесен в концепцию после того, как удалось установить, что псковские длинные курганы являются более древними, чем смоленско-полоцкие. Это заставило В. В. Седова изменить свою прежнюю трактовку и утверждать, что кривичи, продвигавшиеся в 6 в. на Псковщину, затем расселились в южном направлении (*Седов В. В.* Кривичи. — Советская археология, 1960, № 1, с. 60). Кроме того, выяснилось, что невозможно указать район, откуда пришли кривичи, принеся с собой обряд длинных курганов. Поэтому В. В. Седов предлагает не смешивать вопрос о происхождении кривичей с вопросом о происхождении длинных курганов, так как обычай сооружать курганные насыпи возник якобы уже после их переселения на Псковщину (*Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — Свод археологических источников Е1—8. М., 1974, с. 41). Раскопками последнего десятилетия доказано, что длинным курганам действительно предшествовали грунтовые захоронения на специальных «площадках» (*Аун М.* Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллинн, 1980, с. 99; *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее. — Краткие сообщения Института археологии, 1981, 166, с. 65,

Положение, при котором одна концепция еще не может, а другая уже не может удовлетворить науку, побуждает искать новые пути для решения этнической проблемы. Очень положительным моментом в ряде работ последних лет является тот, что археологи стали значительно больше уделять внимания социально-экономическим вопросам, связанным с культурой длинных курганов. Без их рассмотрения невозможно решить и этнические проблемы. Ведь славянская теория исходит из предположки крупномасштабной миграции. Если она действительно имела место, то возникает вопрос, какие социально-экономические причины вызвали этот процесс. Совершенно очевидно, что колонизация кривичами значительного ареала на Северо-Западе и быстрая ассимиляция местных племен могли произойти лишь при условии превосходства хозяйственного уклада пришлого населения. Это превосходство должно было обеспечить более быстрый демографический прирост, чем у коренного населения.⁴ К тому же численность пришельцев должна была быть весьма значительной, чтобы быстро ассимилировать местное, пусть и редкое население.⁵ Если это так, то именно на основе палеодемографических данных можно было бы проверить правомерность концепции кривичской миграции и существующие представления о характере общественного уклада населения культуры длинных курганов. Дело в том, что исследователи при рассмотрении этого вопроса исходили не из данных археологии, а из общего марксистского учения о закономерностях развития человеческого общества. Весьма характерна в этом отношении, например, точка зрения В. В. Седова, который пишет: «Так, представляется несомненным, что сооружение таких коллективных погребальных насыпей, как сопки в Приильмене и длинные курганы в кривичском ареале, отражает общественное строение племен, оставивших эти усыпальницы. Они могли принадлежать только большой патриархальной семье — крупному брачно-родственному коллективу, ведущему в сложных условиях лесной зоны Восточной Европы (освоение новых земель, очистка от леса пахотных участков и т. п.) общее хозяйство».⁶ После распада большесемейной общины в 8—9 вв. и отделения малых семей якобы перестали сооружать длинные курганы и поэтому поздние могильники состоят только из круглых насыпей.

Впервые попытку установить численность населения культуры длинных курганов в сравнительно небольшом районе (100 кв. м) Лужско-Оредежского междуречья предпринял Ю. М. Лесман. Согласно ему, там проживал коллектив из 13—20 человек. Судя по данным, приведенным исследователем, коллектив был на самом деле еще меньше — в среднем

66). Но если В. В. Седов никак не объясняет, как в середине I тысячелетия н. э. изолированный от остальных славянских племен «остров» кривичского населения оказался далеко на севере, то Е. Н. Носов сопоставляет докуранные грунтовые захоронения с грунтовыми могильниками соседней Тушемлинско-Банцеровской культуры (Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении). — Новгородский исторический сборник 1(11). Л. 1982, с. 62, 63). Но даже если признать носителей Тушемлинско-Банцеровской культуры славянами или славянизированными балтами (см.: Белорусская археология. Минск, 1987, с. 72—74), это не является аргументом в пользу славянской принадлежности длинных курганов, так как обе эти культуры единовременны. Кроме того, неизвестно, какова хронология докуранных грунтовых захоронений ареала Псковско-Новгородских длинных курганов.

⁴ Согласно В. В. Седову, в Юго-Восточной Эстонии имел место обратный процесс и к началу II тысячелетия славяне были ассимилированы коренным эстонским населением (Седов В. В. Длинные курганы, с. 40). Возникает, однако, вопрос, где же в таком случае погребальные памятники этого эстонского населения?

⁵ Отметим, что и сторонники неславянской концепции С. Лаул и Э. Тыниссон считают докуранное население Юго-Восточной Эстонии очень редким, а появление курганных могильников связывают с заметным увеличением его численности (Лаул С. Об этнической принадлежности курганов в Юго-Восточной Эстонии. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н. 1971, № 3, с. 320; Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982, с. 300).

⁶ Седов В. В. Восточные славяне, с. 243.

Размеры и время использования могильников культуры длинных курганов
в Юго-Восточной Эстонии*

	1—20	21—40	41—60	61—80	81—100	101—120	121—140	141—160	161—180	181—200
Число погребений в могильнике	10,8	24,0	48,5	67,7	91,0	111,5	125,0	145,3	169,0	187,2
Среднее число погребений в могильнике	53	24	15	7	5	4	2	1	3	2
Число могильников	45,7	20,7	12,9	6,0	4,3	3,4	1,7	0,9	2,6	1,7
Процент от общего числа могильников	57,1	57,6	728	474	455	446	250	145	507	374
Общее число погребений в могильниках	12,6	12,7	16,1	10,5	10,1	9,9	5,5	3,2	11,2	8,3
Процент от общего числа погребений										
Время использования могильника в зависимости от численности коллектива:										
одна семья (6 человек)	45	100	202	282	379	465	521	605	704	780
две семьи (12 человек)	22	50	101	141	190	232	260	303	352	390
три семьи (18 человек)	15	33	67	94	126	155	174	202	235	260
четыре семьи (24 человека)	11	25	51	71	95	116	130	151	176	195

* Таблица составлена на основе данных М. Аун о числе курганов (Аун М. Курганные могильники, прилож. II).

9—13 членов.⁷ Плотность населения составляла около 0,1 человека на кв. км. Но поскольку этот район слишком мал, то на его основе невозможно делать обобщающие выводы. Зато в Юго-Восточной Эстонии памятники культуры длинных курганов распространены на площади около 2500 кв. км, и этот район является одним из наиболее исследованных в ареале культуры. Всего там известно примерно 1000 насыпей, из которых длинные составляют 18%. Изначальное максимальное число насыпей было 1200—1500, из которых длинных могло быть 216—270, круглых — 984—1230. Имеющиеся в литературе данные о 20 круглых и 29 длинных курганах показывают, что в среднем они содержали по 4,15 и 6,38 захоронения соответственно.⁸ Следовательно, общее число похороненных в курганах Юго-Восточной Эстонии должно составлять 5462—6827. При условии, что в курганах похоронены все умершие, численность населения мы узнаем, используя формулу $K = \frac{\Pi}{C \cdot B}$, где К — численность коллек-

тива, Π — количество погребений, С — уровень смертности и В — время использования могильников. Уровень смертности мог в принципе колебаться в пределах 30—50‰. Наиболее вероятным показателем является 40‰. Именно таковой была смертность в период железного века в Скандинавии.⁹ Временем использования могильников можно считать 500 лет, так как эти памятники датируются 6—10 вв.¹⁰ Таким образом, выясняется, что численность населения была в рассматриваемом районе в среднем 273—344 ($K_1 = \frac{5461,68}{0,04 \cdot 500} = 273,08$; $K_2 = \frac{6827,1}{0,04 \cdot 500} = 343,86$). Средняя плотность населения была такой же, как и в Лужско-Оредежском междуречье, — 0,11—0,14 человека на кв. км. Это очень скромный показатель, и ясно, что в начале этого периода численность и плотность населения были еще меньше.¹¹ Будущие исследования обязательно внесут сюда некоторые коррективы, но вряд ли они существенно изменят картину. В дальнейшем необходимо провести антропологический анализ трупоожжений и выяснить долю детских захоронений. Так, не исключено, что не все умершие грудные дети похоронены в курганах. При смертности 40‰ доля таких погребений должна была составлять около 20—25%.¹²

Теперь рассмотрим вопрос о численности коллективов. По сведениям М. Аун, в Юго-Восточной Эстонии точное число насыпей известно в

⁷ Лесман Ю. М. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье. — Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985, с. 35, 36. Ю. М. Лесман ошибочно завышает среднюю продолжительность жизни (35—40 лет). В. П. Алексеев, на работу которого он ссылается, пишет на самом деле о средней продолжительности жизни взрослых (Алексеев В. П. Палеодемография СССР. — Советская археология, 1972, № 1, с. 16—19).

⁸ В случае т. н. пустых курганов я считаю, что мы имеем дело с одним погребением.

⁹ Ambrosiani, B. Gravbegreppet i grävningstatistiken. — Tor XV. Uppsala, 1973, с. 128.

¹⁰ Аун М. Курганные могильники, с. 89—92.

¹¹ Для сравнения можно сказать, что для всей территории Эстонии этот показатель мог быть в начале 9 в. примерно в десять раз больше. Это при том условии, что прирост населения был в 9—12 вв. 3‰, как и в Скандинавии в эпоху викингов (см.: Lehtosalo-Hilander, P.-L. Keski- ja myöhäisrautakausi. — Suomen historia I. Espoo, 1984, с. 274, 275) и что в начале 13 в. его численность составляла 150 000, как это принято считать на основе данных Датской поземельной книги. В начале 9 в. численность населения была в таком случае около 45 000 ($K = 15 \cdot 10^4 (1 - 0,003)^{400} \approx 45 098$).

¹² Acsádi, Gy., Nemeskéri, J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970, табл. 90. В этой таблице приведены данные о доле различных возрастных групп в могильниках средневековой Венгрии, причем уровень смертности составлял 35‰. В возрасте до 1 года умирало 20%. Единственным известным мне случаем, когда сожженные кости из насыпи культуры длинных курганов определены антропологом, является могильник у дер. Леммаку в Северо-Восточной Эстонии. В круглой насыпи обнаружены захоронения двух грудных детей и юноши или девушки 15 лет (Аун М., Лиис П. Могильники культуры длинных курганов в Северном Причудье. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1986, № 4, с. 356). Таким образом, грудные дети, по крайней мере частично, погребались в курганах.

116 могильниках из 119.¹³ В могильниках Рысна-Сааре I и II, которые раскопаны полностью, М. Аун обнаружила соответственно 63 и 53 погребения. Оба памятника датированы 6—8 вв.¹⁴ Если считать, что они использовались в течение 200 лет, то выясняется, что коллективы, соорудившие эти насыпи, включали 7—8 человек ($K_1 = \frac{63}{0,04 \cdot 200} = 7,875$;

$K_2 = \frac{53}{0,04 \cdot 200} = 6,625$). А это значит, что оба могильника оставлены малой семьей. Если проанализировать размеры курганных могильников (таблица), то видно, что в 79% из них похоронено меньше умерших, чем в могильнике Рысна-Сааре I, а в 6% памятников примерно столько же. В 12 могильниках (10,3%) похоронено, видимо, больше 100 умерших. Из них четыре могильника можно считать архаичными, так как доля длинных насыпей в них значительная (Арнико III, Кяэпа I, Линдора, Лоози). Поздними являются также четыре могильника (Пиуза I—IV), состоящие из круглых курганов. По всей видимости, эти памятники принадлежали коллективам, включавшим 2—4 малые семьи. Таким же коллективам могли принадлежать и некоторые из тех пяти могильников, в которых предположительно похоронено 81—100 умерших. Ясно, однако, что в течение всей второй половины I тысячелетия в рассматриваемом районе жили, в основном, отдельными малыми семьями.

Учитывая единообразие ландшафтов, где распространяются памятники Псковско-Новгородской группы культуры длинных курганов, а также погребального обряда, можно утверждать, что выводы, вытекающие из приведенных палеодемографических данных, действительны для всего ареала этих древностей.¹⁵ А эти данные, указывающие на крайне низкую плотность населения, не позволяют согласиться со славянской концепцией миграции. Появление курганных могильников на территории, где древностей предшествующего периода известно очень мало, создало у исследователей неверное представление о якобы имевшем место переломе в заселенности. На самом деле ее характер остался, по всей видимости, в основном таким же, как и раньше. Эта мысль хорошо согласуется с мнением большинства исследователей о том, что культуре длинных курганов было свойственно подсечное земледелие в комплексе с животноводством, охотой и рыболовством. Такой архаичный тип хозяйства несомненно существовал в рассматриваемом ареале задолго до появления длинных курганов.¹⁶ Низкая плотность населения говорит о том, что этот тип хозяйства не обеспечил в конкретных природных условиях особого

¹³ Аун М. Курганные могильники, прилож. II.

¹⁴ Аун М. Некоторые итоги исследования курганных могильников Рысна-Сааре I и II в Пылваском районе. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1985, № 2, с. 217—221.

¹⁵ Здесь следует отметить, что среднее число захоронений в круглых курганах всего ареала культуры вполне может быть даже несколько меньше, чем в исследованных насыпях Юго-Восточной Эстонии. Так, судя по опубликованным Г. Н. Прониним данным о 17 круглых курганах, раскопанных в восточных районах Новгородчины (*Пронин Г. Н. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины.* — Советская археология, 1988, № 4, с. 170—178), среднее число захоронений в них было только 1,71.

¹⁶ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы, с. 49; *Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв.* — Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985, с. 20, 21; *Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.* Автореф. канд. дис. Л., 1984, с. 13. Правда, не все исследователи так считают. Г. С. Лебедев высказал мнение, что население культуры длинных курганов еще не знало подсечного земледелия (*Лебедев Г. С. Археологическое изучение Новгородской земли.* — Новгородский исторический сборник 1(11). Л., 1982, с. 40). Эта точка зрения опровергнута находками серпа и жернова на поселении Съезжье (*Носов Е. Н. Поселение и могильник*, с. 67, 68). С другой стороны, В. В. Седов полагает, что основной системой земледелия являлось уже переложное (*Седов В. В. Восточные славяне*, с. 237). Редкость населения говорит, однако, против такого мнения.

демографического прироста. Здесь можно задаться и таким вопросом: каким было бы наше представление о заселенности ареала во второй половине I тысячелетия, если бы местное население продолжало хорошо умерших в грунтовых могильниках?

Традиционный архаичный тип хозяйства должен был предопределить и стабильность общественного устройства. А это значит, что односемейные коллективы доминировали и до появления длинных курганов. В качестве аналогии можно привести тот факт, что в Швеции в Упланде односемейные коллективы преобладали как в период бронзы, так и в эпоху железа.¹⁷ Для советской историографии свойственно представление, что подсечное земледелие требовало значительных затрат коллективного труда и предопределило большесемейное строение общества. Это, однако, отнюдь не так. Этнографические материалы Эстонии и Скандинавии показывают, что подсечным земледелием занимались именно отдельно проживавшие семьи и что с этим мог справиться даже один человек.¹⁸

¹⁷ *Ambrosiani, B.* Fornl mningar och bebyggelse. Studier i Attundalands och S dert rns f rhistoria. Uppsala, 1964, c. 202—208.

¹⁸ *Manninen, I.* Die Sachkultur Estlands II. — Opetatud Eesti Seltsi Eritoimetised. II. Tartu, 1933, c. 8; *Kortessalmi, J.* Suomalaisten huuhtaviljely. Kansantietellinen tutkimus. — Acta Societatis historicae Ouluensis. Scripta Historica II. Oulu, 1969, c. 298, 299.

Представил Ю. Кахк

Институт истории
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
26/IV 1989

Priit LIGI

PIKKADE K ABASTE KULTUURIST DEMOGRAAFILISTE ANDMETE P HJAL

Pikkade k abaste kultuuri uurimisel on arheoloogid seni p hit helepanu p oranud selle etnilisele kuuluvusele, muude k simustega on aga teenimatult v he tegeldud. Mitmeid seniseid seisukohti v imaldavad kontrollida demograafilised andmed. Ehkki prakti-

liselt kogu antropoloogiline materjal on esialgu l bi uurimata, saab valemi $K = \frac{M}{SA}$

(K = kollektiivi suurus, M = matuste arv, S = suremuse  ldkoefitsient, A = kalmistu(te) kasutamise aeg) abil v lja selgitada nii rahvaarvu kui ka asustus ksuste suuruse. Kagu-Eestis levivad selle kultuuri kalmed u. 2500 km² suurusel alal ning neid on suhteliselt p hjalikult uuritud. K abaste algne maksimaalhulk v is olla 1200—1500, millest pikad kuhjatised moodustasid u. 18%. L bikaevatud kalmete p hjal otsustades sisalduvad pikad k abapad keskmiselt 6,38 ja  mmargused 4,15 matust. Seega on 500 aasta pikkusest perioodist p rinev matuste  ldarv 5462—6827. Et suremuse  ldkoefitsient v is analoogiliselt Skandinaavia rauaaja  hiskonnaga olla u. 40%, siis mattis Kagu-Eesti k abastesse I aastatuhande teisel poolel A. D. keskmiselt 273—344 inimese suurune elanikkond. Keskmiseks asustustiheduseks teeb see k igest 0,11—0,14 inimest km² kohta, mis on kogu Eesti ala oletatavast n itajast ligi k mmet korda v iksem. Loodusolude ja kalmete sarnasuse t ttu v ib v ita, et niisamasugune  armiselt v ike rahvastiku asustustihedus oli iseloomulik ka Pihkva- ja Novgorodimaa pikkade k abaste leviku alale. See ei luba aga n ustuda nende uurijatega, kes seostavad neid muistiseid slaavi kolonisatsiooniga. K abastesse matmise komme tekkis kohalikul h redal l anemeresoome rahvastikul, kelle p hiliseks elatusalaks oli nagu eelnevalgi perioodil ennek ike alep lundus. Niisugune arhailine majanduse laad ei v imaldanud erilist demograafilist kasvu. Kagu-Eesti kalmistute suuruse p hjal tehtud arvutused ei v imalda n ustuda ka seisukohaga, et pikkade k abaste kultuuri rahvastik elas suurpereliste kollektiividena. Kogu perioodi v ttel domineeris hoopis  ksikpereline asustus.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Toimetusse saanud
26. IV 1989

THE CULTURE OF LONG BARROWS IN THE LIGHT OF
PALAEODEMOGRAPHIC DATA

In studies on the culture of long barrows archaeologists have paid almost no attention to the demographic data although those data could help solve many problems. One may use the formula $C=B/DT$ (C — size of community, B — number of burials, D — death rate, T — time when the cemetery was used) to elucidate the size of a population and communities. In SE Estonia the long and round barrows spread on the area of 2500 km² in the second half of the first millennium AD. The primary number of barrows was max 1200—1500, 18% of which (216—270) were the long ones. Results of excavations show that on the average 6.38 and 4.15 cremation burials can be found from each long and round barrow correspondingly. Consequently the whole number of burials in the barrows of SE Estonia is 5462—6827. 20% can be taken as a death rate as it was in the Iron age society of Scandinavia. The size of the population in the grave area of the culture of long barrows in SE Estonia was 273—344 on the average. The average density of the population was only 0.11—0.14 persons per km², which is about ten times smaller than it was in the whole Estonia at the same time according to the author's supposition. As the barrows and the natural conditions of SE Estonia are similar to those in the Pskov-Novgorod region, one may say that as extremely low density of population was characteristic of the whole culture. This circumstance does not allow to agree with the researchers, who think that these antiquities belong to the Slavic immigrants. The appearance of long and round barrows could be explained by changes of burial customs of the very sparse local Balto-Finnic population, whose economy was mainly based on the slash-and-burn land cultivation. Such an archaic type of economy could not enable the particular growth of population. The analysis of the number of burials of the cemeteries of SE Estonia proves against the opinion that the society of the culture of long barrows lived in the communities of grand families. In fact communities of single families prevailed during the second half of the first millennium AD.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
Apr. 26, 1989